

За окнами всё ещё валил снег, но Сюань Юй собрался уходить. Лу Цинцзю понял: тот явился не ради подаяния. Он пришёл сообщить нечто важное.

Провожая его до двери, Лу Цинцзю хотел одолжить зонт, но Сюань Юй лишь улыбнулся и достал из сумки зонтик, совершенно не вязавшийся с его образом. Старый, вышитый алым пионом – невероятно искусная работа, но яркая и пёстрая, она резко контрастировала с холодным обликом монаха.

Странно, но Лу Цинцзю он показался знакомым. Брови его дрогнули, он уже хотел спросить, но Сюань Юй заговорил тёплым голосом: «Много лет назад, в такой же снегопад, я пришёл просить подаяние. Ваша бабушка позволила мне переночевать в этом доме».

Лу Цинцзю мгновенно вспомнил. У бабушки был алый зонтик, очень похожий. Она говорила, что это часть её приданого, вышивка – её ручная работа. В детстве он его видел, а потом забыл.

Даже если Сюань Юй выглядел молодым, его истинный возраст давно превзошел воображение Цинцзю.

«Вы знали мою бабушку?» – спросил Лу Цинцзю.

«Нам посчастливилось встретиться лишь раз. – Сюань Юй раскрыл зонт и шагнул под снегопад. Его прохладный голос прорезал завывания ветра: – Вы немного похожи на неё...»

Лу Цинцзю хотел остановить его, расспросить о бабушке, но монах уже миновал ворота внутреннего двора. Прежде чем толкнуть ворота, он медленно обернулся: «Благодетель, я помню: перед уходом ваша бабушка приготовила вам подарок на день рождения. Вы его видели?»

Лу Цинцзю остолбенел. «Подарок? Какой?»

Но Сюань Юй лишь покачал головой и, не сказав больше ни слова, толкнул ворота и вышел. Лу Цинцзю поспешил следом, но когда ступил за порог, монах исчез. Лишь густой снег и пустая деревня – фигура Сюань Юя растаяла в белом мареве.

Разочарование накатило волной, чувство утраты сжало грудь. Лу Цинцзю казалось, что этот молодой монах и его бабушка как-то связаны.

В тот год, когда бабушка внезапно слегла, он вернулся слишком поздно. Не успел сказать последнего слова. За короткое время он потерял всю семью, одного за другим, и в прострации проводил бабушку в последний путь...

Но того подарка, о котором говорил Сюань Юй, он так и не нашёл.

С поникшей головой Лу Цинцзю повернул назад. У входа он споткнулся о порог. Эта неловкость вдруг пробудила в нём воспоминание. Он бросился в спальню и замер: на ночном столике стояла чёрная деревянная шкатулка – та самая, которую он считал самой необычной вещью в доме.

Гладкая поверхность скользнула под пальцами. В голове вспыхнула мысль: если Сюань Юй прав, и это подарок от бабушки, он должен попробовать открыть её в свой день рождения.

Возможно, внутри скрыты ответы, которые он так долго искал.

Проводив Сюань Юя, Лу Цинцзю перенёс Инь Сюня и малышей в гостиную. Оглядев их, он нахмурился. Сюань Юй сказал, что через три дня они вернутся к прежнему облику – значит, все это время им суждено просидеть в образе соломенных чучел.

Но как же тогда Инь Сюнь вернётся домой, чтобы обновить благовония? Эта внезапная мысль кольнула тревогой. Подумав мгновение, Лу Цинцзю решил сам сходить к Инь Сюню и попробовать заменить благовония.

На улице по-прежнему бушевала снежная буря. Ветер закручивал хлопья в неистовом танце. Схватив зонт, Лу Цинцзю двинулся к дому Инь Сюня. Ветер был так свиреп, что с ним невозможно было бороться. Приходилось низко пригибаться, чтобы его не отбросило назад. Снежная пелена хлестала по шее, забиваясь за воротник. Всю дорогу он дрожал, стиснув зубы, шаг за шагом пробиваясь вперёд. Расстояние, которое обычно занимало несколько минут, он одолевал целых полчаса.

С тех пор как Лу Цинцзю вернулся сюда, он почти не заходил в дом Инь Сюня. Самое дальнее, где он бывал, – внутренний дворик да гостиная, где они однажды сидели.

Инь Сюнь всегда сам приходил к Лу Цинцзю.

Ворота во внутренний двор оказались не заперты, дверь распахнута настежь. Двор пустовал – ни души, ни признака жизни. Лу Цинцзю достал ключ, который снял с пояса Инь Сюня. С немалым трудом открыв дверь, он вошёл в гостиную и притворил её за собой – только тогда смог наконец перевести дух.

Гостиная была до аскетичности проста: лишь стол да несколько стульев, ни следа благовоний. Лу Цинцзю решил заглянуть в спальню. Встав, он стряхнул с брюк налипшие снежинки, включил фонарик и двинулся по коридору мимо комнаты для гостей вглубь дома.

В деревнях дома строили сами – много комнат, и все они образовывали квадрат, опоясывая двор. Хозяйская спальня всегда справа, там спят хозяева.

На двери спальни висел замок. Отперев его ключом, Лу Цинцзю вошёл внутрь.

Едва оглядевшись, он почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. В небольшой комнате теснились поминальные таблички – плотно, одна к другой, на каждой вырезано имя. На самом видном месте стояла табличка с именем Инь Сюня.

Перед ней горела свеча. Она почти догорела: красный воск стекал вниз, словно слёзы, накапливаясь слоистыми наплывами. Лу Цинцзю лихорадочно принялся обыскивать комнату, но, обшарив каждый угол, не нашёл ни единой свечи на замену. Пламя догорало – при такой скорости свеча погаснет примерно через полчаса.

Он проверил все остальные комнаты – нигде ни одной свечи. В отчаянии Лу Цинцзю снова позвонил Бай Юэху.

«Ты сейчас в доме Инь Сюня?» – спросил Бай Юэху, выслушав сбивчивый рассказ.

«Да, – ответил Лу Цинцзю. – Он превратился в соломенного человечка. Я подумал, что его свеча может погаснуть, и пришёл проверить. И правда – она вот-вот догорит, но я не нашёл, чем её заменить...»

Бай Юэху на миг задумался: «Жди, сейчас приду».

«Хорошо, я жду, – выдохнул Лу Цинцзю. – Пожалуйста, поторопись».

Повесив трубку, он сел у двери. Ему было не по себе: как Инь Сюнь жил здесь все эти годы? Ни следа человеческого присутствия. Везде, кроме места, где тот спал, лежала пыль – будто здесь давно никто не жил.

Свеча догорала, пламя слабело с каждой минутой. Сидя у двери, Лу Цинцзю вдруг уловил странный звук. Сначала он подумал, что ему почудилось, но звук становился всё громче.

Га-да-га-да, га-да-га-да.

Он обернулся и направил фонарик на источник. Когда он разглядел, что издавало этот стук, кровь застыла в жилах. Поминальные таблички, заполнявшие комнату, начали дрожать. Сначала едва заметно, но по мере того как пламя слабело, дрожь усиливалась... Словно под ними что-то давило, и эта тварь вот-вот сбросит их и выползет наружу.

Лу Цинцзю не знал, что скрывается под табличками, но понимал: это не сулит ничего доброго. Если свеча погаснет...

В этот самый миг в дверях появился Бай Юэху. Не говоря ни слова, он бросился к свече, выхватил из кармана острое лезвие и полоснул по запястью.

Алая кровь хлынула на почти угасшее пламя.

Лу Цинцзю в ужасе смотрел, боясь, что свеча погаснет в тот же миг. Но Бай Юэху, видимо, знал, что делает. Кровь коснулась свечи, раздалось шипение – и угасающее пламя, впитав кровь, начало расти, возвращаясь к прежней силе. Свеча стала совершенно новой.

Таблички, издававшие тот леденящий душу стук, вновь замерли. В комнате наступила тишина.

«Юэху, твоя рука...» – Лу Цинцзю поспешно схватил Бай Юэху за запястье.

«Всё в порядке», – отозвался тот.

«Больно?»

Бай Юэху молча посмотрел на него. Он мог бы залечить рану прямо сейчас, но, встретив этот тревожный взгляд, почувствовал в груди тёплую волну. Он послушно кивнул и честно признался: «Больно».

Глядя на жуткую рану на прекрасном запястье, Лу Цинцзю встревоженно сказал:

«Такая глубокая... сколько же крови ты потерял? Давай вечером нарежем курицу, я сварю бульон...»

«Не получится», – покачал головой Бай Юэху.

«Почему?» – удивился Лу Цинцзю.

«Они тоже стали соломой», – спокойно ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю замер. Он и забыл. Куры всё это время сидели в курятнике, и в суматохе он не заметил, что они тоже превратились в соломенные чучела – только в форме кур... Есть их сейчас нельзя.

Бай Юэху мягко произнёс: «Пойдём. Свеча восстановлена, пора возвращаться».

«Она восстанавливается твоей кровью? – спросил Лу Цинцзю. – Значит, завтра нам снова придётся...»

Бай Юэху покачал головой: «У горных богов свои способы поддерживать свечу. У меня не было нужных благовоний для поклонения, поэтому пришлось использовать кровь. Но завтра приходит не нужно – моей крови хватит как минимум на тридцать дней».

Услышав это, Лу Цинцзю облегчённо вздохнул. Слова Бай Юэху развеяли два его самых сильных страха. Инь Сюню и самому Бай Юэху больше не понадобится кровопускание – и это было самым лучшим исходом.

Теперь на плечах Бай Юэху лежал ещё один слой одежды – толстый белый плащ, сшитый из звериной шкуры. мех был белоснежным, мягким, источающим невероятное тепло. Прежде чем они покинули дом Инь Сюня, Бай Юэху движением, полным естественной грации, снял с себя плащ и плавно накинул его на плечи Лу Цинцзю.

Лу Цинцзю замер. Он поднял взгляд на Бай Юэху, готовый что-то сказать, но тот уже опередил его: «Ты плохо переносишь холод. Надень».

«Чей это мех?» – Лу Цинцзю провёл ладонью по вороту. мех был нежным, но упругим, ни один волосок не выбивался из общей глади. Он отливал лёгким, благородным блеском – так сияет только первосортная шкура. В тот миг, когда Бай Юэху накинул плащ ему на плечи, тело Лу Цинцзю мгновенно окутало волной живительного тепла.

«Сам не знаю, – отозвался Бай Юэху. – Выиграл у одного человека».

«Выиграл?» – переспросил Лу Цинцзю.

«Да. Заключили пари».

Услышав это, Лу Цинцзю не стал расспрашивать дальше. Лишь подумал про себя: азартные игры и впрямь губят людей – иные теряют не только деньги, но и собственную шкуру...

Укутанный в меховой плащ, с зонтом в руках, Лу Цинцзю шагал по снегу рядом с Бай Юэху. Быть может, это лишь игра воображения, но ему казалось, что на обратном пути ветер и снег поутихли. Холод он почти не чувствовал.

Вернувшись домой, Лу Цинцзю выставил всех соломенных кукол в гостиную. К счастью, зимой к ним никто не заглядывал – иначе, войдя в дом и увидев пол, усеянный соломенными фигурами, даже самый смелый гость схватился бы за сердце.

Сюань Юй сказал, что через три дня всё вернётся на круги своя. А значит, на эти три дня в доме остались лишь Бай Юэху и Лу Цинцзю.

Оба были молчаливы по натуре, и такое положение вещей их вполне устраивало. Лу Цинцзю нашёл случай расспросить Бай Юэху о Сюань Юе, но тот дал лишь приблизительное описание: выдающийся монах, давно должен был стать божеством, но в силу некоторых обстоятельств задержался в мире смертных. Сюань Юй – один из немногих великих мастеров, но в дела мирские вмешивается редко. В последний раз он появлялся здесь более десяти лет назад.

«Зачем же он пришёл сейчас?» – спросил Лу Цинцзю.

«Быть может, навестить старого друга», – ответил Бай Юэху.

Старый друг? Вероятно, он имел в виду бабушку. Вот только Лу Цинцзю не знал, какая история связывала этого монаха с ней. В груди кольнула лёгкая горечь. Он понял, как мало знает о своей бабушке. В детстве он не придавал этому значения, а когда вырос – уже покинул деревню Шуйфу. В следующий раз, когда он вернулся, всё было по-прежнему, но люди изменились.

К утру третьего дня превратившийся в солому Инь Сюнь наконец обрёл прежний облик. Вслед за ним очнулись Сяо Хуа, Сяо Хэй, маленький лис... и Наложница Повелителя Дождя, прятая в пушистой шёрстке лисёнка. Честно говоря, из-за того, что она появлялась редко, Лу Цинцзю почти забыл о её существовании...

Вернув себе истинные тела, они устроили бурные объятия и принялись рыдать наперебой. Инь Сюнь плакал так громко, что сопли и слёзы текли ручьём. Лу Цинцзю лишь презрительно покосился на него.

«Цзю-эр, ты воистину добрый человек, – всхлипывал Инь Сюнь. – Этот монах перегнул палку. Он и вправду хотел нас сжечь! У-у-у, я же просто невинный юный горный бог!»

«Да-да, я просто невинная маленькая свинка», – поддакнул сидящий рядом Сяо Хуа, тоже заливаясь слезами.

Маленький лисёнок печально вторил: «Джи-джи-джи-джи...» – и его мордочка была мокрой от слёз.

Лу Цинцзю растерялся. Как он ни пытался их утешить, ничего не выходило, и ему оставалось лишь позволить им плакать дальше. Только тогда он осознал: даже превратившись в солому, они оставались в сознании. Они слышали каждое слово, видели всё вокруг. Можно представить, как горько и страшно им было бы, если бы Лу Цинцзю и впрямь решил сжечь их дотла.

Спустя некоторое время голова Лу Цинцзю начала пульсировать от их пронзительных воплей.

«Может, хватит рыдать? – сдался он. – Я приготовлю вам что-нибудь поесть?»

Инь Сюнь: «Ты меня совсем не любишь! Тебе плевать на мои чувства...»

Лу Цинцзю: «Надо было тебя тогда придушить, чтоб не мучиться».

Инь Сюнь уже собрался продолжить плач, но, встретившись взглядом с вошедшим с улицы Бай Юэху, поспешно затих и выдал: «Договорились, я больше не буду. Так что приготовь мне что-нибудь вкусненькое».

Лу Цинцзю вздохнул: «Ага!»

День выдался на редкость холодным. По словам Инь Сюня, выходить на улицу по нужде было абсолютно противопоказано: стоило закончить – и определённая часть тела превратилась бы в одноразовый предмет.

В такой холод двигаться не хотелось. Если бы не необходимость утешить Инь Сюня, Лу Цинцзю ни за что не взялся бы за хлопотное дело.

Из-за отключённого электричества холодильник давно стоял на улице, заваленный снегом. Если подумать, это уже и не холодильник вовсе – морозная камера была даже чуть теплее, чем снаружи.

Лу Цинцзю велел Бай Юэху принести к вечеру свежей туши цунлуна. Мясо цунлуна было столь хорошим, что его можно было готовить как угодно – всё равно выходило божественно вкусно. Когда Бай Юэху разделал тушу, Лу Цинцзю отделил рёбра, кости пустил на бульон, мясо обжарил, а рёбрышки замариновал для углей.

Кости цунлуна были чуть тоньше козлиных. Диким привкусом мясо не обладало, и можно было не бояться его пережарить. Сначала он замочил мясо в красном соусе на несколько часов, а затем выложил поверх углей и медленно запекал на слабом огне.

Вскоре дом наполнился густым, дразнящим ароматом жареного мяса. Тонкий слой жира по краям рёбрышек шипел, капая в огонь с треском и шипением.

Лу Цинцзю первым делом дал жареное мясо Бай Юэху и Инь Сюню, чтобы утолить их голод, а трём малышам – по крошечному кусочку, чтобы только распробовали.

«Божественно вкусно, Цзю-эр, ты тоже попробуй! – Инь Сюнь откусил кусок, и уголок его рта тут же испачкался чёрной сажей. Он поспешно повернулся: – Бери, пока горячее, пока горячее!»

Лу Цинцзю улыбнулся: «Ешьте первыми, я подожду следующую партию».

Едва он договорил, как сидящий рядом Бай Юэху естественным, плавным движением поднёс к его губам рёбрышко, к которому сам ещё не притрагивался.

Лу Цинцзю на миг застыл, а затем, опустив голову, с улыбкой откусил. И вправду – неземное блаженство. Снаружи мясо хрустело, а внутри оказалось нежным, сочным, пропитанным

ароматом маринада – солёность и пряности сплелись в идеальной гармонии.

Доев кусочек, он подумал, что, будь под рукой свежий лимон – капля сока сделала бы мясо совершенным.

Инь Сюнь, заметив этот жест, сглотнул комок, но не посмел проронить ни слова. Он лишь молча опустил голову и продолжал уплетать свои рёбра.

Бай Юэху, в свою очередь, не видел в своём поступке ничего необычного. Он совершенно естественно доел ребро со следом укуса Лу Цинцзю.

Бульон в кастрюле уже почти сварился – наваристый, ароматный. Когда приедлся вкус жареного мяса, глоток этого супа освежал нёбо, а после него по телу разливалось необычайное тепло. Жареный батат, запечённый прямо в углях, оказался отличным дополнением: сладкий, мягкий, тягучий – Лу Цинцзю обожал его.

Пока он жарил мясо и ел, сам того не заметив, наелся до отвала. Инь Сюнь тоже набил живот до круглоты. Погладив себя по пузу и громко рыгнув, он вдруг застыл с окаменевшим лицом: «Я... кажется, забыл что-то важное?»

«Что?» – спросил Лу Цинцзю.

Инь Сюнь, который привык весь день бездельничать и есть у Лу Цинцзю, резво вскочил на ноги. Он схватился за голову и в ужасе закричал: «Чёрт, чёрт! Я, мать твою, забыл пойти домой и обновить благовония!!»

С этими словами он развернулся и бросился прочь. Лу Цинцзю не успел его остановить – тот умчался, как перепуганный заяц, даже не оглянувшись.

Лу Цинцзю: «...И откуда у него такая прыть?»

Бай Юэху: «Это его единственный талант».

Лу Цинцзю промолчал. Память Инь Сюня – вещь поразительная. К тому моменту, как он вспомнил, стол в его доме, возможно, уже прогорел насквозь.

Добежав до дома, Инь Сюнь обнаружил, что благовония уже сменили. Он позвонил Лу Цинцзю. В это время Лу Цинцзю грел ноги в тазу с водой, рассеянно поглаживая пушистые хвосты Бай Юэху. Надо сказать, что люди испытывают необъяснимую привязанность к пушистым вещам и

просто не способны сохранять самообладание перед лицом такого огромного искушения.

Услышав звонок, Лу Цинцзю лениво поднял трубку, намеренно держа её чуть дальше от уха.

И действительно - в следующее мгновение из динамика раздался перепуганный голос Инь Сюня: «Лу Цинцзю, как так вышло, что у меня дома благовония уже обновили? Это ведь не ты сделал? Скажи, не ты?!..»

«Не я, - спокойно ответил Лу Цинцзю. - Бай Юэху.

Услышав это, Инь Сюнь облегчённо выдохнул: «Фу-ух, хорошо, хорошо. А то ты меня до смерти напугал».

«Там всё в порядке?» - спросил Лу Цинцзю.

«Ничего серьёзного».

«А что случилось бы, если бы огонь погас?»

Инь Сюнь помедлил: «Хм... тогда была бы большая беда».

Лу Цинцзю не удержался и фыркнул: «Если это так важно, почему присматривать за этим оставили тебя? Сомневаюсь, что ты настолько могуществен».

Честно говоря, за всё это время он так и не почувствовал в Инь Сюне ни капли божественности. В его глазах тот оставался лишь слегка ненадёжным другом детства. Если бы Лу Цинцзю попросили назвать хоть что-то божественное в Инь Сюне, он, пожалуй, смог бы сказать лишь, что тот временами бывал особенно безумен*.

[Он использует иероглиф, означающий «Бог».]

Инь Сюнь нахмурился: «Если продолжишь в том же духе, можешь лишиться друга.

«Ничего страшного, - усмехнулся Лу Цинцзю. - Когда этот час настанет, я просто поймаю тебя и буду держать как питомца».

Инь Сюнь замолчал, а затем выдавил сквозь зубы: «Лу Цинцзю, умоляю, веди себя как человек».

Лу Цинцзю почти видел перед глазами растерянное лицо Инь Сюня - тот хотел возразить, но не находил слов. Рассмеявшись, он сказал: «Ладно, хватит шуток. Я спать. Доброй ночи».

«Доброй ночи», - ответил Инь Сюнь и повесил трубку.

Закончив разговор, Лу Цинцзю лениво зевнул и, по привычке, притянул к себе большие пушистые хвосты. Но когда он остановился, его охватило смутное ощущение, будто что-то не так. Опустив взгляд, он остолбенел от ужаса.

Лу Цинцзю резко вскинул голову и увидел Бай Юэху, сидящего у окна и лениво щёлкающего семечки. Казалось, тот даже не заметил произошедшего. Лу Цинцзю выдавил из себя: «Юэху, ах...»

«Хм?» - отозвался тот, не отрываясь от своего занятия.

«У... у меня вопрос», - запинаясь, проговорил Лу Цинцзю.

«?»

Тщательно подбирая слова, Лу Цинцзю с трудом выговорил: «Если у лисы вдруг отвалятся хвосты... это плохо?»

Лицо Бай Юэху на мгновение застыло. Он понял скрытый смысл вопроса и медленно опустил взгляд. Девять огромных пушистых хвостов действительно отделились от его тела, и перепуганный Лу Цинцзю держал их в объятиях.

Бай Юэху промолчал. «Нехорошо», - подумал он.

«Юэ... ху?.. - дрогнул голос Лу Цинцзю.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю, сжимая хвосты: А-а-а-а-а! Твои хвосты отвалились!!!

Бай Юэху: ...Фу, брак.

Переводчику есть что сказать:

ессо: Что за чертовщина с мемориальными табличками в спальне? Имена прошлых горных богов? Под Шуйфу спит страшное чудовище...

Поддельные китайские хвосты...

Рохана: Насчет чудовища сильно сомневаюсь... Но мя тоже любопытно, кто там!

Ах, я понимаю эту одержимость пушистыми вещами... Да, я такая же хД

Я тоже так хочу!! Гладить-гладить-гладить! /маньячный взгляд/ И зарываться в них мордочкой!

<http://bllate.org/book/15722/1630629>